

История и теория политики

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-167-177

«СПРЯЧЬ БАБУШКИН ПАСПОРТ!»: ДИСКУРС ВОЗРАСТА КАК РЕСУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА

О. В. Рябов, Т. Б. Рябова

Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: riabov1@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-5944-9668).

Рябова Татьяна Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: riabova2001@inbox.ru (ORCID: 0000-0001-5270-7911).

Аннотация

В статье, построенной на анализе официального дискурса российской власти и ведущих СМИ, заявлений российских политиков, а также результатов проведенного авторами социологического исследования, впервые рассматривается такой ресурс создания образа врага, как дискурс возраста. В первой части статьи проанализированы подходы к изучению образа врага, обозначены его важнейшие черты и чувства, которые он призван генерировать. Во второй части авторы выявляют причины и условия политизации возраста. В третьей – исследуются аспекты секьюритизации возрастных различий и роль дискурса возраста в политической мобилизации на материале российской символической политики двух периодов: митинговой активности 2017–2021 гг. и усиления конфронтации с «коллективным Западом» в условиях проведения специальной военной операции. В следующей части авторы демонстрируют, что дискурс возраста способствует реализации таких функций образа врага, как укрепление коллективной идентичности, легитимация насилия, легитимация власти и социально-политического порядка, предсказание победы. В заключительном подразделе статьи авторы анализируют, в какой степени маркеры возраста коррелируют с теми образами врага, которые функционируют в социальных представлениях россиян.

Ключевые слова: образ врага; дискурс возраста; секьюритизация; политическая мобилизация; возраст и политика; социальные представления; российская политика.

Введение

Одной из примечательных акций либеральной оппозиции в России в 2010-х гг. стало использование слогана «Спаси страну! Спрячь бабушкин паспорт!» во время выборов различного уровня. Это выглядело бы как невинная шутка, если бы в этот период в оппозиционной риторике не получила концептуальное оформление идея о том, что именно голоса представителей старшего поколения россиян обеспечивают победу на выборах кандидатам от правящей партии, что именно старшие граждане являются опорой власти. В символической политике оппозиции периода митинговой активности (2017–2021) конфликт между властью и протестующими был представлен как конфронтация поколений, что в немалой мере было связано с участием в протестных акциях несовершеннолетних россиян.

Упомянутый слоган появляется еще в 2000-х гг. Он использовался на выборах в Польше и на Украине. В 2014 г. на киевском Майдане украинская оппозиция использовала в легитимации государственного переворота предназначенные для молодежи тезисы о том, что только «старички выбирают “совок”», что поколения не только дедов, но и отцов безнадежно испорчены советской

пропагандой <...> Старшие поколения украинцев и Россия в этой картине мира представляли “проклятое прошлое”, а молодежь и Запад – “светлое будущее”» (см. об этом: Рябов и Рябова, 2023). При помощи указания на возраст может эксплицироваться враждебность не только во внутривластной, но и во внешнеполитической риторике; например, репрезентации политического режима в СССР как геронтократии были заметной составляющей антисоветского дискурса США периода холодной войны (Рябов, 2024). Таким образом, фактически апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников используются для производства образа врага.

Образ врага вызывает у исследователей обоснованный интерес (напр.: Frank, 1967; Keen, 1986; Rieber & Kelly, 1991; Harle, 2000; Гудков, 2005; Сенявский и Сенявская, 2006; Oppenheimer, 2006; Евгеньева и Селезнева, 2007; Козырев, 2008; Денисов, 2009; Fettweis, 2015; Delori & Ware, 2019; Кузнецов и Михайлов, 2019; Рябов и др., 2023). В работах отечественных и зарубежных авторов исследуются различные ресурсы конструирования врага, включая политический, исторический, профессиональный, этнический, расовый, гендерный, пространственный, экологический дискурсы. Мы предлагаем рассмотреть в качестве ресурса создания образа врага дискурс возраста – ресурс, который еще не становился предметом исследования. Это предполагает анализ следующих исследовательских вопросов, которые определяют и структуру статьи. Как может быть охарактеризована проблематика исследования образа врага? Каковы причины и условия политизации возраста? Как происходит секьюритизация возрастных особенностей? Как дискурс возраста способствует реализации функций образа врага? Наконец, как эта взаимосвязь образа врага и дискурса возраста проявляет себя в современной политической риторике и социальных представлениях? Отвечая на поставленные вопросы, мы используем анализ официального дискурса российской власти и дискурса ведущих СМИ, заявления российских политиков, а также результатов социологического исследования, проведенного авторами в 2023 г. в рамках реализации проекта «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике».

Образ врага как исследовательская проблема

Образ врага – это исследовательская проблема, которой занимаются представители многих наук: психологи, философы, историки, лингвисты, социологи, этологи. Одна из первых трактовок образа врага, принадлежащая К. Шмитту, появляется в лоне политической науки. В его интерпретации, разделение на друзей и врагов выражает саму сущность политического, а образ врага – это необходимый элемент политики (Шмитт, 1992). В рамках исследовательской традиции политологии изучались такие аспекты образа врага, как его природа, его наиболее существенные черты, функции образа врага, порождаемые им эмоции, его роль во внутренней и международной политике. Было показано, что необходимым условием исследования самых различных аспектов политического является учет той роли, которую играет этот образ.

В типологии, предложенной в «Энциклопедии войны» (Sion, 2016), выделены три подхода к интерпретации образа врага. В первом ведущими в формировании данного образа объявляются психологические факторы. Рассматривая историю данного подхода, Р. Оппенхаймер характеризует образ врага как представления об индивидах или группе, обусловленные внутренними индивидуальными особенностями, внешним социальным контекстом, а также динамикой отношений ингруппы и аутгруппы (Oppenheimer, 2006).

Во второй группе концепций образ врага связывается с его ролью во внутривластных процессах. Так, он используется политическими лидерами для того, чтобы мобилизовать сообщество вокруг общей идеи, а также укрепить ценности господствующей системы.

Третий подход акцентирует роль образа врага как необходимого условия вооруженного конфликта, который является спутником человечества на протяжении всей всемирной истории. Войны были бы невозможны без интерпретации Других как врагов, предполагающей наделение их отрицательными характеристиками (Grossman, 1996).

Образ врага является одной из значимых компонентов символической политики, которую интерпретируют в качестве «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова и Миллер, 2021: 11). Во многих работах выделяются общие черты образа врага (напр.: Frank, 1967; Keen, 1986; Денисов, 2009; Fettweis, 2015; Рябов и др., 2023). Применительно к российской внутренней политике заслуживает внимания предложенный Т. Евгеньевой и В. Титовым набор характеристик на основе анализа оппозиционного дискурса периода протестов 2011–2013 гг., в их

числе: возложение вины на врага, идентификация его со злом, негативное ожидание, когда во всех его действиях видят деструктивные намерения, которые на деле направлены на «своих»; мышление с нулевой суммой, стереотипизация и деиндивидуализация, отказ проявить к нему эмпатию (Евгеньева и Титов, 2014: 26; см. также: Евгеньева и Селезнева, 2007).

Характеристика врага как социального конструкта (напр.: Campbell, 1992) не означает, что наш мир свободен от конкуренции и что возникающие в процессе этого угрозы иллюзорны. Объективная конфликтогенность социальности, связанная в том числе с ограниченностью ресурсов, предполагает наличие вооруженного соперничества, что, в свою очередь, обуславливает существование образа врага как необходимого элемента насилия (Delori & Ware, 2019). Однако в образе врага отрицательные характеристики подчеркиваются, положительные – затушевываются, а отличия «своих» от «чужих» гипертрофируются. Между тем и недооценка, и переоценка вызовов национальной безопасности может иметь ощутимые негативные последствия, подчеркивает К. Фэтвайс, приводя в качестве примеров двух крайностей случаи нападения японцев на Перл-Харбор в 1941 г. и вторжения американцев в Ирак в 2003 г. (Fettweis, 2015: 150). В этих условиях способность и политического класса, и населения к реалистичному восприятию ситуации приобретает особое значение.

Поскольку представления о том, что именно выступает внешней угрозой для государства и общества, являются заметным фактором внутренней политики и легитимации / делегитимации власти, то за трактовку образа врага идет внутривнутриполитическая борьба. Образ врага может быть интерпретирован в качестве политического символа, использование которого является эффективным приемом политической борьбы, в рамках которой привлекаются различные ресурсы, включая и ресурс возраста.

Возраст как политическое

Дискурс возраста мы определяем в качестве «системы высказываний о различиях между индивидами, их персональными характеристиками и социальными ролями, обусловленных принадлежностью к определенной возрастной группе, а также об особенностях сообществ, детерминированных спецификой социального статуса, которым обладают в них те или иные возрастные группы» (Рябов и Рябова, 2023: 178). Его семантическое ядро структурируется делением на возрастные группы, различением поколений, в том числе с наделением их политическими коннотациями (например, «советское поколение»); ассоциированием возраста с ценностно-нагруженными оппозициями (например, «прошлое – будущее», «старое – новое», «традиции – новаторство»).

Потенциал дискурса возраста как ресурса политики определяется возможностью использовать его для легитимации социальных иерархий, а также для проведения символических границ между сообществами и внутри них. Использование возрастных характеристик для обозначения и оправдания социального неравенства обусловлено тем, что оппозиция «ребенок – взрослый» выступает в качестве своеобразной матрицы отношений власти и подчинения, отражающей существующие в обществе иерархии и поддерживающей их (Рябова и Рябов, 2020). Исходя из этого, маркировка индивида или сообщества как ребенка означает наделение их эмоциональностью, беспомощностью, безответственностью, мечтательностью, а также обоснование необходимости контроля за ними. Репрезентации старости как дряхлости также привлекаются для делегитимации политических акторов. Атрибутирование политикам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам мы обозначаем как соответственно «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию» (Рябова и Рябов, 2020: 125).

Другая причина востребованности связана с привлечением маркеров возраста в политику коллективной идентичности. Акторы политики идентичности для проведения символических границ между «своими» и «чужими» прибегают к эксплуатации тех маркеров, которые ассоциируются с природными, естественными характеристиками человека (например, раса, этничность, пол); маркеры возраста – из их числа (см. об этом: Рябов, 2024).

Секьюритизация возраста в политической риторике

В этой части статьи мы постараемся ответить на вопросы, какие характеристики возрастных различий способствуют использованию их в качестве ресурса создания образа врага и как происходит секьюритизация возрастных различий. Согласно положениям теории секьюритизации, акторы

символической политики для политической мобилизации общества могут создавать дискурсы опасности намеренно; в секьюритизации той или иной проблемы важнейшее место занимает создание образа врага (о механизмах секьюритизации на примере политики идентичности см.: Фадеева, 2023).

Один из аспектов секьюритизации возрастных различий связан с репрезентациями уязвимости определенных возрастных групп, прежде всего детей. Мобилизующая сила образов страданий детей настолько велика, что дает право защищать их любым способом, нередко игнорируя прочие социальные нормы. Эти приемы могут использоваться для делегитимации оппонентов как в международных конфликтах, так и во внутривластном противостоянии. В частности, это было заметно в период митинговой активности в России в 2017–2021 гг., и к данному образу обращались как деятели либеральной оппозиции, так и акторы провластной символической политики.

Первые утверждали, что власти применили насилие против самых беззащитных участников митингов – детей (Riabov et al., 2022). Юные россияне, помимо этого, были представлены в качестве жертвы также по той причине, что, как утверждалось, из-за доминирования в обществе представителей старшего поколения у них отсутствуют перспективы на будущее. Как продемонстрировала акция «Спрячь бабушкин паспорт!», в либеральном дискурсе высокая электоральная активность старшего поколения и его постулируемая готовность поддерживать власть служили основанием для секьюритизации возрастных различий. Молодежь при этом репрезентировалась как самая европеизированная часть российского общества, то есть внутривластный дискурс подкреплялся цивилизационным, а старшее поколение было представлено в качестве опасности, источника бедствий.

В провластном дискурсе оппозицию упрекали в том, что она противопоставляет поколения и, более того, использует молодежь, в том числе подростков, как «пушечное мясо» или даже как сакральную жертву (Riabov et al., 2022). Враг, кроме того, является источником опасности для детей не только физической, но и духовной; он пытается уничтожить идентичность и память молодого поколения, осуществить ментальное перепрограммирование юных граждан. Особое место в современной российской идентичности занимает тема Великой Победы, и именно эта тема была мишенью атак со стороны оппозиционеров (см.: Рябов и Рябова, 2023). Угроза утраты культурной идентичности тем самым связывается с поколенческим разрывом¹.

Таким образом, еще одним способом секьюритизации возрастных особенностей выступает демонстрация угрозы раскола социума по линии поколений, которая представляет собой опасность не только для молодежи, но также для страны в целом. В подобном контексте закономерно, что тема поколенческого разрыва связывается с образами внешней опасности. Подчеркивалось, что задача западных кураторов протестного движения как раз и заключается в том, чтобы «добиться раскола страны, причем не только географического, но и поколенческого»².

Тема опасности, которую для юных россиян представляют информационные атаки из-за рубежа, стала еще более востребованной после начала специальной военной операции. По оценке первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ С. Кириенко, именно подрастающее поколение является главной целью психологической войны, которую страны НАТО ведут против России³.

Другой аспект секьюритизации возраста связан с акцентированием характеристик, отличающихся от нормы, которыми наделяются представители возрастных групп, то есть взрослые индивиды. Так, акция «Спрячь бабушкин паспорт!» показывает, что акторы символической политики могут связывать с преклонным возрастом качества, которые репрезентируются как представляющие опасность для социума: ослабление физических и умственных возможностей, устаревший взгляд на мир, непонимание происходящих сегодня событий и обусловленный этим риск неправильных решений. Во внутривластном дискурсе проблема смены поколений, социальных лифтов для молодежи актуальна в разных странах и в разные времена. Эта тема нередко используется в политической мобилизации периода «цветных революций».

¹ Напр.: Эпштейн Д. Десакрализация памяти [Электронный ресурс], *Ридус*. 8 февр. 2021. URL: <https://www.ridus.ru/desakralizaciya-pamyati--povedenie-navalnogo-vozmutilo-obshchestvennost-347082.html> (дата обращения: 04.06.2024).

² *Российская газета* [Электронный ресурс]. 24 февр. 2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/24/pered-navalnym-postavlena-zadacha-dobitsia-raskola-strany.html> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Кириенко назвал молодежь целью информационной и психологической войны НАТО против России [Электронный ресурс], *ТАСС*. 18 дек. 2022. URL: <https://tass.ru/politika/16625035> (дата обращения: 04.06.2024).

Что касается внешнеполитической риторики, то сегодня основная опасность, ассоциируемая с преклонным возрастом, – это риск начала ядерной войны с перспективой гибели всего человечества. Прежде всего, это связано с возрастом президента США. К данной теме постоянно обращаются эксперты и журналисты (например: «Жутко здесь то, что древний дедушка – глава ядерной сверхдержавы... которая пытается сохранить свой статус гегемона через угрозы, шантаж и прокси-войны с другими ядерными сверхдержавами – Россией и Китаем»⁴). Эту тему затрагивают и представители политического руководства России. Так, в телеграмм-канале заместителя председателя Совета безопасности РФ Д. Медведева высказывались опасения, что победа «парня с деменцией» на выборах в США создаст серьезные проблемы для всего человечества⁵.

Другая форма отклонения от нормы взрослости – детскость – также может быть представлена в качестве опасности. Инфантильность связывается с такими чертами, как капризность, иррациональность, непредсказуемость, эгоцентризм, обидчивость, неспособность к эмпатии. Инфантилизация как та черта общества постмодерна, которая угрожает будущему человечества, – эта тема получила распространение достаточно давно. Так, в статье А. Дугина (2011) инфантилизация общества трактуется в качестве глубинной проблемы постмодерна. «Если раньше, еще лет сто назад, образцом выступал зрелый человек, то в XX в. – уже юноша, в наше время – подросток».⁶ В последние годы тема опасности, которую несет инфантилизация общества, получает внутривнутриполитические и внешнеполитические коннотации. Инфантилизм как вера в чудо, безответственность, импульсивность решений – это необходимое условие столь пагубного для общества явления, как «цветные революции». Именно инфантилизм украинского общества позволил осуществить государственный переворот в 2014 г.⁷ Инфантилизм лежал в основе митинговой активности и в России в 2017–2021 гг., организаторам которой, по оценке обозревателя НТВ, были нужны «инфантилы любого возраста»⁸.

С началом СВО особенно востребованной становится тема инфантилизма политической элиты ЕС, поскольку тот является причиной безответственных, эмоциональных решений европейских политиков. Например, на высказывания президента Франции Э. Макрона о том, что он не исключает отправку регулярных французских воинских соединений на Украину, представитель МИД РФ отреагировал следующими словами: «это политический инфантилизм»⁹.

Функции образа врага и дискурс возраста

Таким образом, секьюритизация возрастных различий, акцентирование связанных с ними угроз, способствует политической мобилизации. Дискурс возраста используется как ресурс и при реализации иных функций образа врага, в числе которых укрепление коллективной идентичности, легитимация насилия, легитимация власти, предсказание победы (см. подробнее: Рябов и др., 2023).

Функция укрепления коллективной идентичности реализуется при помощи создания образа врага как отличающегося в максимальной степени от «своих» и проведения прочной символической границы между «своими» и «чужими». Подчеркнем, что проведение символической границы включает в себя и объяснение природы различий между «своими» и «чужими». Характеристики врага объявляются обусловленными сущностными чертами сообществ, естественными, и потому неустрашимыми, то есть подвергаются эссенциализации, что способствует легитимации враждебности между сообществами или между политическими *акторами*. В качестве средства, способствующего трактовке различий как труднопреодолимых, в политической риторике может быть использован и дискурс возраста. Например, статья о поколенческом разрыве, опубликованная в оппозиционном издании в 2021 г., называлась «Бумер умер. Почему старшим поколениям уже не понять людей, выросших в

⁴ Бавырин Д. Байден личным примером показал одряхление США [Электронный ресурс], *Взгляд*. 15 апр. 2023. URL: <https://vz.ru/politics/2023/4/14/1207237.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁵ Медведев заявил, что опасается победы «парня с деменцией» на выборах в США [Электронный ресурс], *РИА Новости*. 26 мая 2023. URL: <https://ria.ru/20230526/ssha-1874235240.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁶ Дугин А. Хорошо умереть молодым [Электронный ресурс], *Взгляд*. 21 июля 2011. URL: <https://vz.ru/opinions/2011/7/21/508970.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁷ Напр.: Ищенко Р. Инфантильные революции и «планета обезьян» [Электронный ресурс], *Украина.ру*. 21 ноябр. 2022. URL: <https://ukraina.ru/20221121/1041026852.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁸ Зейналова И. Ему нужны инфантилы любого возраста [Электронный ресурс], *НТВ*. 7 февр. 2021. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2508842/> (дата обращения: 04.06.2024).

⁹ В МИД России назвали призывы Макрона политическим инфантилизмом [Электронный ресурс], *Regnum*. 9 апр. 2024. URL: <https://regnum.ru/news/3880339> (дата обращения: 04.06.2024).

новой технологической реальности». Очевидно, тем самым символические границы между «своими» и «чужими» получают дополнительную легитимность, а диалог между различными политическими силами в значительной мере лишается смысла.

Функция *легитимации власти и социально-политического порядка* связана с дискуссиями о том, какая политическая сила в состоянии устранить ту опасность, которую представляет для социума враг. Противники репрезентируют власть как неспособную справиться с вызовами, сторонники – как надежную защитницу от врага. Поддержка власти предполагает легитимацию проводимой ею внешней политики. Например, в статье, опубликованной в день начала СВО в интернет-издании «Взгляд», приведена следующая оценка, высказанная экспертом: «Наши власти... это взрослые люди <...> То, что мы видим на Западе (и на Украине вкупе), – голым инфантилизмом. Постоянная истерика, сучение ножками. Тупое подростковое. <...> Педократия захватила мир. <...> Сегодня на наших глазах наказывают именно такого несносного подростка. Придет в чувство, выйдет прекрасный специалист. Но не раньше»¹⁰.

Функция *легитимации насилия* предполагает изображение врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему, насилие над ним или даже его уничтожение. В основе подобных репрезентаций лежит постулирование собственного морального превосходства, при демонстрации которого одним из приемов сравнения врага с абсолютным злом является символическая нацификация, уподобление Гитлеру и его сторонникам. Скажем, в символической политике митинговой активности 2017–2021 гг. сравнения с нацистами можно встретить у акторов различной политической ориентации (Рябов и Рябова, 2023).

Основным же приемом является дегуманизация врага, его исключение из числа представителей человеческого рода. В разработанной Н. Хэслемом дуальной концепции дегуманизации выделены такие ее формы, как анималистская и механицистская (Haslam, 2006). Дегуманизация может проходить как в явной форме (в виде сравнения представителей аутгруппы с животным или с машиной), так и в косвенной (за счет отрицания у них атрибутов человечности). Связь дегуманизации с возрастным дискурсом обусловлена тем, что, очевидно, существует корреляция между возрастом и степенью обладания качествами, которые считаются атрибутами человечности; скажем, такими, как разум, субъектность, дееспособность. Ввиду этого для дискредитации (а по сути, дегуманизации) политических оппонентов и умаления их легитимности в политической риторике используются маркеры возраста. Так, один из лидеров либеральной оппозиции во время судебного процесса по обвинению его в клевете на ветерана Великой Отечественной войны заявил, что тот не может в свои 95 лет быть автором ответственных политических заявлений по причине ослабления умственных способностей¹¹.

Наконец, обоснование собственного превосходства и изображение врага как обреченного на поражение связано с реализацией функции *предсказания победы*. Для того, чтобы «своих» не покидала уверенность в конечном успехе, враг должен быть показан не только как опасный, но также как слабый и комичный (Frank, 1967: 112–115). Например, в статье, опубликованной в оппозиционном издании, заявлялось, что «партия телевизора и старики (55+) уверенно топят за власть – будущее, очевидно, за оппозицией, предложить молодым ничего, кроме пресловутой стабильности, власть не может» (Riabov et al., 2022).

Таким образом, наша гипотеза о том, что дискурс возраста может выступать в качестве ресурса создания образа врага, подтверждается и тем, что все функции данного образа могут быть реализованы при помощи привлечения возрастных маркеров.

Образ врага и дискурс возраста в социальных представлениях

На материале результатов прикладного исследования¹² мы проанализировали, в какой степени маркеры возраста коррелируют с образом врага в социальных представлениях россиян. Информанты,

¹⁰ Минимизация жертв сейчас главная задача [Электронный ресурс], *Взгляд*. 24 февр. 2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/2/24/1145436.html> (дата обращения: 04.04.2024).

¹¹ См.: *Комсомольская правда* [Электронный ресурс]. 8 февр. 2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27236.5/4363492/> (дата обращения: 04.06.2024).

¹² Социологическое исследование (полустандартизированное интервью; $N = 48$, осень 2023 г.) проводилось в Санкт-Петербурге, Махачкале, Иванове. Эти города были отобраны по причине различия их размеров, уровня политической активности, этнокультурных особенностей, степени поддержки в городе власти и оппозиции. Квотами для отбора респондентов были пол, возраст и политические предпочтения. Исследование проводилось Т. Рябовой, Л. Клещенко, Е. Цалко, О. Рябовым, У. Мутаевым.

оценивая влияние на политику возраста политиков и избирателей, отмечали как достоинства каждой возрастной группы, так и негативные черты, которые могут представлять опасность.

Оптимальным для политика, по общему мнению, является средний возраст, который чаще определялся в рамках от 30–35 до 50–55 лет¹³. У молодости, помимо неоспоримых преимуществ (креативности, энергичности, адаптивности и др.), есть и представляющие опасность для социума недостатки: отсутствие опыта и необходимого уровня компетентности, излишняя бескомпромиссность, импульсивность, несдержанность. При этом степень опасности варьируется в зависимости от сферы деятельности – например, в сфере межнациональных отношений или внешней политики она рассматривается как более значительная, поскольку в данных областях особо необходимы самоконтроль и ответственность. Старшее поколение с его мудростью, опытом, самообладанием в состоянии «гасить максималистский пыл» молодых. Вместе с тем информанты видят и угрозы, обусловленные другой крайностью: в их ответах политики старшего возраста нередко наделяются ригидностью мышления, нехваткой жизненной энергии, страхом и нерешительностью, сложностями в коммуникации с молодежью.

В качестве потенциальной опасности воспринимаются и возрастные особенности избирателей. Участие молодежи в несанкционированных акциях объясняют в том числе спецификой возраста («у молодых людей менее трезвый, реалистичный, взгляд на вещи, чем у людей среднего и старшего возраста», «меньшая встроенность в социальные связи», бескомпромиссность, импульсивность, отсутствие страха, отсутствие жизненного опыта и ответственности за семью). Риски, связанные с преклонным возрастом избирателей, опрашиваемые усматривают в том, что их «тяжело заставить что-то делать, уже не хотят ничего менять», «они испытывают страх – им бы только свой век дожить», они меньше реагируют на ситуацию вокруг и больше придерживаются своих устоявшихся правил; кроме того, «они не всегда готовы воспринимать всерьез мнение того, кто младше их» – *Лиза, 19 лет, «индифф», Санкт-Петербург*. Оппоненты власти, кроме того, используют и такой аргумент: представители старшего поколения «держатся за свои места, чтобы по максимуму своих везде пристроить, обеспечить» – *Олег, 59 лет, «против всех», Санкт-Петербург*.

Далее, секьюритизация возраста связана с тезисом об уязвимости тех или иных возрастных групп, что в проведенном исследовании оказалось особенно востребованным при характеристике молодых людей. Мнение о том, что те больше подвержены чужому мнению и могут стать объектом политического манипулирования, разделяют даже молодые информанты. Нередко говорилось об инфантилизме молодежи в целом, не только российской («в Америке тоже молодежь пошла захватывать Капитолий» – *Денис, 44 года, лоялист, Иваново*).

Секьюритизация межпоколенческого разрыва связана в глазах информантов прежде всего с их точкой зрения по вопросу доверия старших и младших в политике и эффективности их коммуникации. Мы использовали проективные методики, предложив респондентам обсудить упомянутый предвыборный мем, содержащий призыв к молодежи «спрятать бабушкин паспорт». Этот мем предсказуемо отторгался информантами из старшего поколения. Мнение о распространенности таких взглядов в российском обществе разделяли те информанты, которые позиционировали себя приверженцами либеральной идеологии (а также, хотя и реже, представители возрастной группы «молодежь»). Большинство опрошенных видело серьезную опасность для общества и государства в самом наличии таких политических практик («может углубить недоверие между поколениями», вести «к расколу», «к нестабильности общества и государства», «к волнениям», «к радикализации молодежи»).

В чем респонденты видят причины таких взглядов? Одна часть считает подобные разногласия естественным процессом: конфликт отцов и детей вечен и неизбежен; когда дети повзрослеют, то все будет в порядке. Представители оппозиции упрекают власть в том, что она сама провоцирует возникновение недоверия между поколениями. Сторонники власти в качестве причины появления подобных практик называли влияние западной пропаганды или даже усилия западных спецслужб, которые целенаправленно стараются расколоть российское общество, в том числе по возрастному признаку («Пытаются расколоть, чтобы осуществить свою цель – разорвать страну и завладеть нашими ресурсами, нас поработить» – *Андрей, 37 лет, лоялист, Иваново*).

Наконец, социальные представления коррелируют с теми образами опасности, обусловленной фактором возраста, которые функционируют в публичном дискурсе, связанном с репрезентациями международных отношений. Политической элите ЕС информанты приписывают инфантильность, проявляющуюся в эгоцентризме, несамостоятельности, безответственности, в импульсивности при-

¹³ Отметим, что среднему возрасту информанты приписывали те характеристики, которые считаются атрибутами власти *per se*: самообладание, ответственность, объективность, трезвый взгляд на вещи, способность к компромиссу.

нимаемых решений («Политики Европы принимают странные, детские, невзвешенные решения; обидчивые они еще» – Ксения, 19 лет, «индиш», Иваново). С другой стороны, информанты использовали негативные маркеры старости, подчеркивая, что преклонный возраст президента США не только является показателем одряхления «мирового гегемона», но создает угрозы развязывания мировой войны. Заметим, в «детском» или «старческом» поведении информанты «улучали» исключительно тех политиков, деятельность которых они не одобряли.

Заключение

Подведем итоги. Образ врага – один из важных элементов символической политики, который создается за счет разнообразных ресурсов. Среди них и дискурс возраста, который помогает реализовать функции образа врага (мобилизации, укрепления коллективной идентичности, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы) и генерировать прежде всего ощущение опасности, страх, а также гнев, отвращение, убежденность в собственном нравственном превосходстве над врагом, готовность уничтожить его, смех.

Потенциал использования дискурса возраста в создании исследуемого образа определяется такими чертами возрастных маркеров, как очевидность, заметность и понятность, а также апелляцией к природному, естественному характеру возрастных различий, что делает символическую границу между «своими» и «чужими» более прочной. Помимо этого, оценочность, которая содержится в репрезентациях возраста, способствует легитимации социального неравенства.

Среди аспектов секьюритизации возрастных различий – во-первых, акцентирование уязвимости определенных возрастных групп, прежде всего детей. Во-вторых, это вопрос связи поколений. Преемственность отцов и детей представляет собой необходимое условие безопасности общества, при этом в провластном дискурсе оппозиция обвиняется в стремлении расколоть социум по линии поколений (что нередко маркируется как вольная или невольная помощь внешнему врагу), а в оппозиционном – опасностью объявляется доминирование старших поколений в обществе, что обрекает его на застой. В-третьих, возрастные особенности, которые представляют собой отклонения от нормативной человечности как состояния взрослого индивида, будь то инфантильность или дряхлость, также маркируются как могущие представлять угрозу для социума.

Результаты проведенного интервью показали, что социальные представления россиян в целом коррелируют с данными тенденциями.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 (проект «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>) в РГПУ.

Список литературы / References

- Гудков, Л. (2005) 'Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции' в: Гудков, Л. (ред.) *Образ врага*. М.: ОГИ, 2005, сс. 7–79. [Gudkov, L. (2005) 'Ideologeme of the Enemy: Enemy as a Mass Syndrome and a Means of Sociocultural Integration [Ideologema "vrag a"]': "Vragi" kak massovyi sindrom i mehanizm sociokul'turnoi integratsii] in: Gudkov, L. (ed.). (2005) *Image of Enemy [Obraz vraga]*. Moscow: OGI, 2005, pp. 7–79. (In Russ.).]
- Денисов, А. А. (2009) 'Идентификация образа врага в политической коммуникации', *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, 1, сс. 113–126. [Denisov, A. A. (2009) 'Identification of the images of the enemy in political communication' [Identifikatsiia obraza vraga v politicheskoi kommunikatsii], *RGU BULLETIN. Political Science. History. International Relations*, 1, pp. 113–126. (In Russ.).]
- Евгеньева, Т. В., Селезнева, А. В. (2007) 'Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи', *Полития*, 3, сс. 83–92. [Evgenyeva, T., Selezneva, A. V. (2007) 'Image of the "Enemy" as a forming instrument for national identity of contemporary Russian youth' [Obraz "vraga" kak faktor formirovaniia natsional'noi iden-

- tichnosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi], *Politeia*, 3, pp. 83–92. (In Russ.).
- Евгеньева, Т. В., Титов, В. В. (2014) ‘Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети интернет: опыт современной России’, *Информационные войны*, 4 (32), сс. 22–26. [Evgenyeva, T., Titov, V. (2014) ‘Image of the “Enemy” as a forming instrument for political identity in the Internet: the experience of contemporary Russia’ [Obraz “vraga” kak instrument formirovaniia politicheskoi identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoi Rossii], *Information wars*, 4 (32), pp. 22–26. (In Russ.)].
- Козырев, Г. И. (2008) *«Жертва» в социально-политическом конфликте*. Москва: Экслибрис-пресс. [Kozyrev, G. I. (2008) “Victim” in social and political conflict [“Zhertva” v sotsialno-politicheskom konflikte]. Moscow: Ekslibris-press (In Russ.)].
- Кузнецова, О. А., Михайлов, Д. А. (2019) ‘Милитаризация образа врага в современном в современном российском общественно-политическом дискурсе’, *Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ*. 13 (2), сс. 17–26. [Kuznetsova, O. A., Mikhailov, D. A. (2019) Militarization of the enemy image in the modern Russian socio-political discourse [Militarizatsia obraza vraga v sovremennom rossiiskom obshchestvenno-politicheskome diskurse], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 13 (2), pp. 17–26. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-17-26.
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021) ‘Введение. Символическая политика и политика памяти’ в: Лапин, В. В., Миллер, А. И. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб.: Европейский университет, сс. 7–37. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021) ‘Introduction. Symbolic politics and politics of memory’ [Vvedenie. Simvolicheskaiia politika i politika pamiati] in: Lapin, V. V., Miller, A. I. (eds.) *Symbolic aspects of politics of memory in contemporary Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskii aspektu politiki pamiati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope]. Saint Petersburg: EU, pp. 7–37 (In Russ.)].
- Рябов, О. В. (2024) ‘Возрастной дискурс в современной политике российской идентичности’, *PolitBook*, 3, сс. 39–59. [Riabov, O. (2024) ‘The age discourse in contemporary politics of Russian identity’ [Vozrastnoi diskurs v sovremennoi politike rossiiskoi identichnosti], *PolitBook*, 3, pp. 39–59. (In Russ.)]. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-39-59.
- Рябов, О. В., Белов, С. И., Давыдова, О. С. Кубышкин, А. И., Рябов, Д. О., Рябова, Т. Б., Смирнов, Д. Г., Спутницкая, Н. Ю., Юдин, К. А. (2023) *«Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны*. М.: Аспект Пресс. [Riabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshkin, A. I., Riabov, D. O., Riabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaia, N. Yu., Iudin, K. A. (2023) “Enemy Number One” in Symbolic Politics of Soviet and American Cold War Cinema [“Vrag nomer odin” v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny]. Moscow: Aspekt Press, 400 p. (In Russ.)].
- Рябов, О. В., Рябова, Т. Б. (2023) ‘Связь поколений как политический символ’ в: Саралиева, З. М. (ред.) *Культурное наследие и связь поколений*. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, сс. 177–185. [Ryabov, O. V., Ryabova, T. V. (2023) ‘The connection of generations as a political symbol’ [Sviaz’ pokolenii kak politicheskii simvol] in: Saraliev, Z. M. (ed.) (2023) *Cultural heritage and connection of generations* [Kul’turnoe nasledie i sviaz’ pokolenii]. Nizhniy Novgorod: University of Nizhniy Novgorod, pp. 177–185 (In Russ.)].
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) ‘«...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике’, *Женщина в российском обществе*. 4, сс. 5–13. [Riabova, T., Riabov, O. (2020) “Not a boy, but a man”: on the gender-age stereotypes in politics [“...Slyshu rech’ ne mal’chika, no muzha”]: o gendernovozrastnykh stereotipakh v politike], *Woman in Russian Society*, 4, pp. 5–13. (In Russ.)]. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.
- Сенявский, А. С., Сенявская, Е. С. (2006) ‘Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.)’, *Вестник Пермского университета дружбы народов. Сер: История России*, 2, сс. 34–72. [Senyavskii, A. S., Senyavskaya, E. S. (2006) ‘The historical imagology and the problem of building of “the enemy’s image” (on the materials of Russian history of the XXth century)’ [Istoricheskaiia imagogiia i problema formirovaniia

- “obraza vraga” (na materialakh rossiiskoi istorii XX veka], *RUDN journal of Russian history*, 2, pp. 54–72. (In Russ.)).
- Фадеева, Л. А. (2023) ‘Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 17 (2), сс. 101–111. [Fadееva, L. A. (2003) ‘Securitization of Identity Politics as analytical tool’ [Sekiuritizatsia politiki identichnosti kak analiticheskii instrumentarii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17 (2), pp. 101–111. (In Russ.)). DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-101-111.
- Шмитт, К. (1992) ‘Понятие политического’, *Вопросы социологии*, 1992, 1, сс. 35–67. [Schmitt, K. (2009) ‘Concept of political’ [Poniatie politicheskogo], *Voprosy sotsiologii*, 1, pp. 35–67 (In Russ.)).
- Campbell, D. (1992) *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis: Univ. of Minnesota press.
- Delori, M., Ware, V. (2019) ‘The faces of enmity in international relations. An introduction’, *Critical Military Studies*, 5 (4), pp. 299–303. DOI:10.1080/23337486.2019.1652460.
- Fettweis, C. J. (2015) ‘Misreading the Enemy’, *Survival*, 57 (5), pp. 149–172. DOI: doi:10.1080/00396338.2015.1090135.
- Frank, J. D. (1967) *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace*. New York: Vintage Books.
- Grossman, D. (1996) *On killing: the psychological cost of learning to kill in war and society*. Boston: Little, Brown.
- Harle, V. (2000) *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport: Praeger Publishers.
- Haslam, N. (2006) ‘Dehumanization: An Integrative Review’, *Personality and Social Psychology Review*, 10 (3), pp. 252–264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4.
- Keen, S. (1986) *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row.
- Oppenheimer, L. (2006) ‘The Development of Enemy Images: A Theoretical Contribution’, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2 (3), pp. 269–292. DOI: 10.1207/s15327949pac1203_4.
- Riabov, O., Riabova, T., Kleshchenko, L. (2022). ‘“Save the Children!”: The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests 2017–2021’, *Region. Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2, pp. 235–252. DOI: 10.1353/reg.2022.0014.
- Rieber, R. W., Kelly, R. J. (1991) ‘Substance and shadow: Images of the enemy’ in Rieber, R. W. (ed). *Psychology of war and peace: The image of the enemy*. Boston: Springer Publ., pp. 3–39.
- Sion, L. (2016) ‘Enemy Making’ in Paul Joseph (ed). *The SAGE Encyclopedia of War: Social Science Perspectives*. SAGE, pp. 560–562.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

"HIDE YOUR GRANDMOTHER'S PASSPORT!": AGE DISCOURSE AS A RESOURCE FOR CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE ENEMY

O. Riabov, T. Riabova

Oleg Riabov, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: riabov1@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-5944-9668).

Tatiana Riabova, Doctor of Sociology, Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: riabova2001@inbox.ru (ORCID: 0000-0001-5270-7911).

Abstract

The article is the first to address the discourse of age as a resource for constructing the image of the enemy. It is based on the Russian government's official statements, politicians' comments and the country's leading media sources, as well the authors' sociological research. The first part of the paper examines approaches to

the analysis of the image of the enemy, its essential characteristics and the emotions it is intended to evoke. In the second section, the authors show that the political potential of the discourse of age stems from the ability to employ it in drawing external and internal symbolic boundaries and in legitimising social inequality. The third part examines how age differences are used in politics. It looks at two periods: the rally activity of 2017–2021 and the confrontation with the "collective West" in the context of the Special military operation. Next, the authors demonstrate that the discourse of age contributes to the realization of the functions of the enemy image, the strengthening of collective identity, the legitimation of violence, power and socio-political order, and the prediction of victory. Finally, the article examines the extent to which the age markers correlate with the images of the enemy that function in the social views of contemporary Russians.

Keywords: the image of the enemy; the discourse of age; securitization; political mobilization; age and politics; social views; Russian politics.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01414 (project "Age and power. Age stereotyping in contemporary Russian politics" <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>) at Herzen State Pedagogical University of Russia.